

Глава 1

Харфилд-холл, 1819

— Право, Элиза, неужели так трудно пролить хоть одну слезинку? — шепнула миссис Бальфур дочери. — Этого ждут от вдовы!

Элиза кивнула, но ее глаза остались сухими, как обычно. Уж сколько лет она исполняла роль послушной дочери и покорной жены, а так и не научилась заливаться слезами по приказу.

— Не забывай, возможно, сегодня нам предстоит битва, — прошипела миссис Бальфур, обводя многозначительным взглядом библиотеку, где сидели родственники покойного графа Сомерсета.

Спустя девять месяцев после похорон все вновь собрались в Харфилд-холле, чтобы выслушать последнюю волю ушедшего. Судя по надменному выражению лиц, к сражению готовилась не только миссис Бальфур.

— Вдовья доля Элизы записана в брачном договоре: пятьсот фунтов в год, — шепотом успокоил жену мистер Бальфур. — У Сомерсета нет причин возражать, это неоспоримая часть наследства.

В голосе его звучала горечь, ибо ни он, ни миссис Бальфур до сих пор не оправились после того, как минувшей весной жизненные обстоятельства их дочери изменились столь жестоким образом. Десять лет назад венчание застенчивой семнадцатилетней

мисс Элизы Бальфур и сурового графа Сомерсета (он был старше ее на двадцать пять лет) стало одним из главных событий сезона, и Бальфуры извлекли из этого союза все мыслимые выгоды. Со дня свадьбы не прошло и года, а их старший сын женился на богатой наследнице, средний получил звание капитана в десятом пехотном, и весь Бальфур-хаус был заново отделан набивным бархатом.

Никто и вообразить не мог, что граф, мужчина здоровый и крепкий, скоропостижно скончается от воспаления легких. И теперь положение Элизы, овдовевшей в двадцать семь лет, не родившей сына, который унаследовал бы титул, оставляло желать лучшего. Пятьсот фунтов в год... Люди могут прожить и живут даже на меньшие суммы, но в этом вопросе Элиза была согласна с отцом. Десять лет замужества за человеком, который был сильнее привязан к своим лошадям, чем к жене, десять лет заточения в холодном, внушающем ужас Харфилд-холле, десять лет тоски по жизни, которая у нее могла бы быть, если бы судьба распорядилась иначе... Учитывая, от чего... от кого Элизе пришлось отказаться, пятьсот фунтов в год выглядели жалкой подачкой.

— Если бы она подарила ему сына... — посетовал мистер Бальфур, кажется, в пятый раз.

— Она старалась! — отрезала миссис Бальфур.

Элиза крепко стиснула зубы и ощутила, как под столом ее руку сжала кузина — мисс Маргарет Бальфур.

Часы пробили половину первого. Собравшиеся уже полчаса ждали нового графа Сомерсета, без чье-го присутствия нельзя было начинать оглашение завещания. Сердце Элизы замерло в предвкушении. Несомненно... несомненно, он скоро появится.

— Возмутительно, — проворчала миссис Бальфур с застывшей скорбной улыбкой на лице. — Он уже опоздал на девять месяцев и опаздывает сегодня. Разве это не возмутительно, Элиза?

— Да, мама, — машинально откликнулась та.

Всегда проще согласиться, хотя, уж если честно, вину за необычную задержку следовало возложить на старого графа, а не на нового. Именно старый граф оговорил условие, по которому завещание воспрещалось оглашать, пока не соберутся вместе все упомянутые в нем персоны. Новый граф Сомерсет — племянник мужа Элизы, а ранее предполагаемый наследник, капитан Кортни — находился в Вест-Индии, когда в апреле скончался его дядя. Кроме того, в восемнадцатом году морские путешествия длились чрезвычайно долго, а посему опоздание капитана Кортни было объяснимо. Утомительно, но объяснимо.

Все, кто находился сейчас в библиотеке, прождали много месяцев, и сегодняшняя задержка уже давала о себе знать: достопочтенная миссис Кортни (невестка старого графа и мать нового) не отрывала взгляда от двери, ее дочь леди Селуин недовольно барабанила пальцами, в то время как лорд Селуин, скрывая волнение, развлекал присутствующих байками, призванными напомнить, какая он важная персона.

— И тогда я сказал ему: Байрон, старина, вы просто обязаны написать эту вещицу!

Сбоку от него, в центре комнаты, сидел поверенный Сомерсета мистер Уолкот и с вымученной улыбкой переключал бумаги. Все изнемогали от нетерпения, но сильнее остальных терзалась Элиза. С каждым тиканьем напольных часов ее тревога достигала все более опасных высот. Прошло десять лет.

Десять долгих лет. И сегодня она снова увидит его. Неужели это действительно произойдет?

«Возможно, он так и не появится».

Жизнь, полная разочарований, научила ее одному полезному качеству: всегда быть готовой к худшему. Допустим, он перепутал даты, допустим, его карета разбилась, допустим, он решил вернуться в Вест-Индию, лишь бы не встречаться с Элизой. Опоздывать — это на него не похоже, он всегда был очень пунктуальным. По крайней мере, пунктуальным был джентльмен, которого она когда-то знала. Он мог измениться.

Наконец, когда часы пробили без четверти час, дверь открылась.

— Высококочтимый граф Сомерсет, — объявил дворецкий Перкинс.

— Приношу глубочайшие извинения за опоздание, — произнес лорд Сомерсет, входя в библиотеку. — Дороги коварны после дождя.

Отклик Элизы был мгновенным. Сердце забилося быстрее, дыхание пресеклось, желудок сжался, и она встала — не из вежливости, а потому, что ее подбросила на ноги прокатившаяся по всему телу волна узнавания. Все прошедшие месяцы она представляла себе этот момент и тем не менее оказалась к нему совершенно неготовой.

— Оливер, мой дорогой! — просияв, устремилась к сыну миссис Кортни, а за ней по пятам проследовала леди Селуин.

Сомерсет по очереди обнял мать и сестру.

Миссис Бальфур поцокала языком, не одобряя такое нарушение приличий, — по этикету граф должен был сначала обратиться к вдовствующей графине. Но Элизе это было безразлично. Он выглядел

почти так же, как раньше. По-прежнему высок и белокур, те же холодные светлые глаза, как у остальных членов семьи, и те же спокойные, уверенные манеры — беспорное отражение его натуры. Однако после десятилетней службы во флоте он раздался в плечах, а некогда бледная кожа загорела на солнце. Это было ему к лицу. Это было ему очень к лицу.

Сомерсет выпустил руки сестры и повернулся к Элизе. Она внезапно с ужасом осознала, что годы не были к ней столь же милосердны. Невысокая, с каштановыми волосами, эта обладательница необычайно больших темных глаз всегда считала себя похожей на некоего боязливого ночного зверька. Но сейчас она испугалась, что в своих черных вдовьих одеждах, поникшая и уставшая за последние месяцы неопределенности, напоминает крысу.

— Леди Сомерсет, — склонился перед ней граф. Его голос тоже не изменился.

— Милорд, — откликнулась Элиза.

Пальцы ее дрожали. Она сжала в кулаках ткань юбки, приседая в нетвердом реверансе и собираясь с духом, чтобы посмотреть ему в глаза. Что она в них увидит? Гнев? Упрек? На сердечность Элиза не надеялась. Она не заслуживала доброты.

Оба выпрямились одновременно и наконец, спустя столько лет, встретились взглядами. Но в его глазах отражалось... лишь безразличие.

— Искренне вам соболезную, — сдержанно произнес он бесчувственным голосом, с выражением лица, которое можно было описать только как вежливое.

— Б-благодарю вас, — ответила Элиза. — Надеюсь, путешествие оказалось приятным?

В сущности, хорошо, что учтивые фразы сами соскользнули с языка (пусть и не без запинки), ведь в этот момент она была не в состоянии думать.

— Вполне, насколько это возможно при такой погоде, — ответил граф.

Было не понять, переживает ли он хоть что-то похожее на ту сумятицу, которая царила в голове Элизы. Он не выдал себя ни жестом, ни интонацией, казался отстраненным и равнодушным. Словно они никогда раньше не встречались.

Словно однажды он не просил ее выйти за него замуж.

— Да, — услышала себя Элиза будто издалека. — Такие скверные идут дожди.

— Воистину, — согласился он, улыбаясь.

Но это была совсем не та улыбка, с которой он прежде обращался к ней. Светская. Чинная. Притворная.

— Рад тебя видеть, старина, ей-богу, рад тебя видеть, — протягивая руку, выступил вперед лорд Селуин.

Сомерсет, чья улыбка внезапно снова потеплела, пожал руку зятя и направился дальше, на середину комнаты. Он удалялся от Бальфуров, и Элизе оставалось лишь, беспомощно моргая, смотреть ему вслед.

И это всё? После стольких лет врозь, после стольких часов, которые Элиза провела в размышлениях о том, где он, счастлив ли, в воспоминаниях о каждой встрече, в сожалениях обо всех событиях, нацеленных их разлучить, — таким стало их воссоединение? Мимолетный обмен банальностями?

Она передернула плечами. Январский холод стоял в доме с утра — требование покойного мужа не

зажигать камин до наступления ночи пережило его самого, — но сейчас Элизе почудилось, что воздух в комнате заledenел. Целых десять лет их в буквальном смысле разделял океан, и все же Оливер — Сомерсет — никогда не казался ей настолько далеким.

— Может, приступим? — предложил Селуин.

Еще до того, как он женился на племяннице покойного графа, обоих джентльменов связывала близкая дружба, их поместья имели общую границу. Но по той же самой причине отношения между ними были довольно неустойчивыми. Действительно, их последняя деловая встреча перед кончиной старого графа переросла в ссору, такую яростную и шумную, что домочадцы едва не оглохли. Тем не менее, судя по энтузиазму, написанному на лице Селуина сегодня, он рассчитывал на солидное наследство.

Кивнув, мистер Уолкот разложил перед собой бумаги. Бальфуры, Селуины и Кортни наблюдали за ним, каждый со своего места, голодными волчьими глазами. Какая драматичная сценка, так и просится на полотно.

«Пожалуй, масло, яркие краски», — подумала Элиза, и пальцы ее сложились, будто держа кисть.

— Это последняя воля и завещание Джулиуса Эдварда Кортни, десятого графа Сомерсета...

Элиза отвлеклась, когда мистер Уолкот начал перечислять многие и многие причины, по которым новому графу предстояло стать человеком очень и очень богатым. У миссис Кортни, казалось, подступали к глазам слезы радости, леди Селуин прятала улыбку, но Сомерсет хмурился. Его устрасила обширность владений, возможно, даже удивила? Зря. Несмотря на скаредность покойного графа,

Харфилд-холл являл собой подлинный храм фамильного изобилия: от фарфоровых чашек до стульев из красного дерева; от стен, увешанных рогами, шкурами и охотничьими трофеями, до пейзажей маслом, с изображением плантаций сахарного тростника, принадлежавших семье. Харфилд-холл гордился своей добычей. И благодаря нескольким коротким фразам все это перешло к новому графу Сомерсету. Он превратился в одного из самых состоятельных людей в Англии, к тому же в одного из самых завидных холостяков. С этого момента любая незамужняя леди падет к его ногам.

Но Элиза... Перед ней открывалось три пути: либо остаться в Харфилде на положении хозяйки дома при новом графе, покуда он не женится, либо переехать во вдовый особнячок на окраине поместья, либо отправиться в дом своего детства. Ни один из этих вариантов не привлекал Элизу. Ее страшила перспектива вернуться в Бальфур под недреманное око родителей. Но оставаться здесь, в непосредственной близости от человека, который с очевидностью ничего к ней не чувствует, тогда как она тосковала по нему десять лет? Это была бы изощренная пытка.

— Элизе Юнис Кортни, достопочтенной графине Сомерсет...

Услышав свое имя, Элиза даже не попыталась сосредоточиться; но, судя по тому, как удовлетворенно мистер Бальфур откинулся на спинку стула, тревога его отпустила и все произносимое мистером Уолкотом соответствовало условиям брачного договора. Будущее Элизы — как бы оно ни сложилось — обеспечено. Она представила себе это будущее — годы и годы серых, скучных будней.

— В дополнение и в знак уважения к ее послушанию и верности долгу...

Как тоскливо, когда тебя описывают в подобных выражениях, словно преданную собачонку. Но мать Элизы заметно оживилась, ее глаза алчно сверкнули — явные признаки надежды, что старый лорд оставил Элизе что-то дополнительно. Возможно, дорогое украшение из семейной коллекции.

— ...а также при условии, что она не запятнает доброе имя Сомерсетов...

Это было в его духе — решившись оставить жене какую-то безделицу, не преминул добавить оговорку о моральном облике. Так и остался скрягой до самого конца.

— ...мои поместья Чепстоу, Чоули и Хайбридж в полное и безоговорочное пользование.

Элиза мгновенно насторожилась. Что сейчас сказал мистер Уолкот?!

В тихой до сего момента библиотеке стало очень шумно.

— Вы не могли бы повторить последние слова, Уолкот? Должно быть, вы прочитали неправильно! — прогремел Селуин, делая шаг вперед.

— Да, мистер Уолкот, это не может быть правдой! — пронзительно вскричала миссис Кортни, поднимаясь со стула.

Мистер Бальфур тоже подскочил и вытянул руку, словно требуя показать ему документ.

— Элизе Юнис Кортни, — безропотно повторил мистер Уолкот, — ...в знак уважения к ее послушанию и верности долгу, а также при условии, что она не запятнает доброе имя Сомерсетов, я завещаю мои поместья Чепстоу, Чоули и Хайбридж в полное и безоговорочное пользование.

— Что за нелепость! — отказывался поверить Селуин. — Джулиус должен был завещать эти земли нашему младшему сыну Тарквину.

— Мне он тоже так говорил! — вторила леди Селуин. — Он обещал!

— Доля леди Сомерсет прописана в брачном договоре, — добавила миссис Кортни. — Ничего подобного там не упомянуто!

— Разве не все земли Сомерсета наследуются вместе с титулом? — недоуменно поинтересовалась Маргарет, и на нее громко зашикала миссис Бальфур.

— Если так сказано в завещании покойного графа, если такова его последняя воля, вам негоже ее оспаривать! — заявил мистер Бальфур, не обращаясь ни к кому конкретно.

Все присутствующие словно напрочь забыли, что Элиза находится среди них.

— Поместья Чепстоу, Чоули и Хайбридж граф унаследовал по материнской линии и посему волен поступать с ними, как ему вздумается, — спокойно пояснил мистер Уолкот.

— Что за нелепость! — повторил Селуин. — Должно быть, это не тот документ!

— Заверяю вас, именно тот, — подчеркнул мистер Уолкот.

— А я говорю вам, любезный, не тот! — жарко настаивал Селуин, отбросив притворную жовиальность. — Я видел настоящий, там указан Тарквин. Я видел!

— Так и было, — подтвердил мистер Уолкот. — Но покойный граф велел мне изменить этот пункт всего за две недели до смерти.

Обычно багровая физиономия лорда побелела.

— Ваша ссора, — ахнула леди Селуин.

— Мы обсуждали ссуду, всего лишь деловой спор... — сдавленно произнес ее супруг. — Он не мог, не стал бы...

Так вот из-за чего они повздорили — Селуин попросил в долг. Элиза могла бы предостеречь его от такого глупого поступка. Видимо, Селуин оказался в отчаянном положении, ведь он точно знал, что неизлечимо скупой и чересчур гордый граф воспринимал подобные обращения к своему кошельку как беспримерную дерзость.

— Заверяю вас, по этому вопросу, как и по всем остальным, покойный граф высказался предельно отчетливо, — спокойно произнес мистер Уолкот. — Земли отходят к леди Сомерсет.

Селуин обратил свой гнев на Элизу.

— Какие ядовитые речи вы ему нашептали? — рявкнул он.

— Да как вы смеете! — раздулась от негодования миссис Бальфур.

— Селуин! — прогремел голос Сомерсета, ледяной и неодобрительный.

— Приношу свои извинения... — отступился Селуин от Элизы. — Я не хотел... прискорбная оплошность...

Запугать его жену было сложнее.

— А что насчет оговорки о моральном облике? Мой дядя объяснил более подробно, какое конкретно поведение он имел в виду?

— Не понимаю, какое это имеет значение, — заметила миссис Бальфур, — учитывая, что репутация моей дочери безупречна.

— Поскольку мой дядя счел необходимым включить это условие в завещание, полагаю, миссис Бальфур, оно имеет огромное значение, — отрезала леди Селуин.

— Не сочтите за проявление неуважения, — вмешалась миссис Кортни. — Леди Сомерсет знает, что мы все пежно к ней привязаны.

Ничего подобного леди Сомерсет не знала.

— Покойный граф лишь уточнил, что толкование данного условия он оставляет на усмотрение одиннадцатого графа Сомерсета, и никого другого, — сообщил мистер Уолкот.

Лорд Селуин, леди Селуин и миссис Кортни открыли было рты, чтобы заспорить, но Сомерсет остановил родственников.

— Поскольку в завещании отражено желание моего дяди, я, разумеется, не выскажу никаких возражений, — невозмутимо заявил он.

— Конечно, конечно. — Селуин с некоторым усилием частично восстановил свои мнимо добродушные повадки. — Но, дорогой мой мальчик, я думаю, нам надлежит обсудить, какого рода поведение следует определить как...

— Не согласен, — твердо возразил граф, казалось ничуть не обеспокоенный злобными взглядами родни. — И если леди Сомерсет не изменилась существенно со дней моего пребывания на британской земле, она не способна заронить и капли сомнения или неодобрения.

Элиза, покраснев, опустила глаза. Давным-давно, когда она преклонялась перед уверенностью в ней Сомерсета, ее благонравие его не устроило.

— Именно так, — удовлетворенно поддакнула миссис Бальфур.

— Но с учетом необычной природы данного условия, — продолжил Сомерсет, — полагаю, оно должно остаться строго между нами. В конце концов, никто из нас не хотел бы вызвать кривотолки.

Присутствующие согласно закивали — Бальфуры с воодушевлением, Селуины неохотно, а миссис Кортни, казалось, снова была близка к слезам.

Последовало долгое, долгое молчание.

— Какой доход приносят эти поместья? — спросил Селуин.

Мистер Уолкот быстро просмотрел свои записи.

— В среднем, — ответил он, — чуть выше девяти тысяч фунтов в год. Вместе с вдовьей долей получается ежегодный доход в десять тысяч.

Десять тысяч фунтов в год.

Десять тысяч фунтов! Каждый год.

Богата!

Очень богата.

Богаче, чем леди Оксфорд или леди Пелем, знаменитые наследницы, в свое время побывавшие бриллиантом сезона; богаче, чем многие лорды с Уайтхолл. Неужели это правда? Муж всегда давал понять, что Элиза была для него не более чем источником постоянных разочарований. Во всех отношениях стоящая ниже его первой жены, при этом столь же неспособная подарить ему сына. И тем не менее злобность нрава, недовольство поведением Селуина вынудили покойного графа проявить по отношению к Элизе щедрость, какую он никогда не выказывал при жизни. Десять тысяч в год. Он сделал ее весьма состоятельной женщиной.

У Элизы возникло чувство, будто нити, привязывающие ее к обыденности, перерезаны и ее, кружа, уносит все дальше и дальше. Оглашение завещания

продолжилось, но она не смогла бы повторить ничего из сказанного, отметила лишь, что чтение завершилось, когда все начали вставать, и машинально последовала общему примеру. Рефрен «десять тысяч фунтов в год» звучал в ее голове все заглушающим эхом, и она не могла думать ни о чем другом.

— Десять тысяч фунтов! — восторженно прошептала ей на ухо Маргарет, когда они покидали библиотеку. — Ты понимаешь, что это означает?

Элиза дернула головой, сама не зная, в знак согласия или отрицания.

— Все изменится, Элиза!

Глава 2

Назавтра в полдень Элиза провожала гостей на крыльце Харфилда. С ней собиралась остаться только Маргарет, ставшая после смерти графа ее компаньонкой и готовая исполнять эту роль еще две недели. Элиза не могла дождаться, когда Харфилд снова перейдет в их полное распоряжение.

Голоса родителей она слышала до их появления: мистер Бальфур громко раздавал приказы лакеям, а миссис Бальфур отчитывала горничных. Когда они вышли из дубовых дверей, Элиза глотнула воздуха, чтобы собраться с силами.

— Ты справишься, — шепнула ей Маргарет.

Через несколько часов после оглашения завещания выяснилось, что мистер Бальфур намеревается прибрать к рукам обретенное дочерью богатство. Сейчас Элизе представилась последняя возможность избавить родителей от этой мысли.

— Увидимся через несколько недель, — сказала миссис Бальфур.

— И не задерживайся, дороги станут только хуже, — распорядился мистер Бальфур.

— Я тут подумала... — осторожно начала Элиза.

— К этому времени все неотложные финансовые вопросы будут решены, — продолжила миссис Бальфур. — Не правда ли, супруг мой?